

DOI: 10.17976/jpps/2018.01.02

КОММЕМОРАЦИЯ СТОЛЕТИЯ РЕВОЛЮЦИИ(Й) 1917 года В РФ: АНАЛИЗ СТРАТЕГИЙ КЛЮЧЕВЫХ МНЕМОНИЧЕСКИХ АКТОРОВ

О.Ю. Малинова

МАЛИНОВА Ольга Юрьевна, доктор философских наук, профессор Национального исследовательского университета “Высшая школа экономики”, главный научный сотрудник ИНИОН РАН. Для связи с автором: omalinova@gmail.com

Малинова О.Ю. Коммеморация столетия революции(й) 1917 года в РФ: анализ стратегий ключевых мнемонических акторов. — Полис. Политические исследования. 2018. № 1. С. 9–25. <https://doi.org/10.17976/jpps/2018.01.02>

Исследование финансируется в рамках Программы “Научный фонд Национального исследовательского университета “Высшая школа экономики” (НИУ ВШЭ)” в 2017–2018 гг. и в рамках государственной поддержки ведущих университетов Российской Федерации “5-100”, проект № 17-01-0034.

Статья поступила в редакцию: 04.09.2017. Принята к печати: 25.10.2017

Аннотация. Статья посвящена анализу политических практик коммеморации столетия Февральской и Октябрьской революций 1917 г. в России. На основе недавних выступлений политиков и публицистов реконструируются стратегии ключевых мнемонических акторов – властвующей элиты, коммунистов, “консерваторов”, “либералов”, Русской православной церкви и др. Исследование сочетает анализ дискурсов и коммеморативных практик. Коммеморация исторического события рассматривается как политический процесс, исход которого определяется взаимодействиями мнемонических акторов, которые: 1) преследуют определенные политические цели и так или иначе позиционируют себя относительно других акторов, 2) избирательно используют общий репертуар символических ресурсов, участвуя в его трансформации. Анализ основных стратегий мнемонических акторов позволяет сделать вывод о наличии фрагментированного, конфликтного режима памяти о событиях 2017 г. Об этом свидетельствуют не только расхождения оценок исторических событий, но и присутствие в поле политики памяти акторов, использующих символический потенциал революции для продвижения собственных политических повесток и оспаривания нарратива оппонентов. Согласно данным опросов, не менее резкое расхождение оценок революции(й) 1917 г. наблюдается и в общественном мнении. Реализация предложенного властвующей элитой сценария “примирения” потомков красных и белых отчасти облегчается тем, что ее главный оппонент – КПРФ – поддерживает рамки “патриотического” и антизападнического дискурса. Кроме того, власть имеет влиятельного союзника в лице Русской православной церкви. Однако, как показали дискуссии по поводу одного из центральных пунктов программы коммеморации – установки памятника Примирения в Крыму, – в условиях фрагментированного и конфликтного режима памяти оппозиционные официальному курсу мнемонические акторы могут воспрепятствовать публичной демонстрации “примирения и согласия”, даже если они не располагают большими ресурсами.

Ключевые слова: столетие революции 1917 г. в России; мнемонические акторы; коммеморация; инфраструктура коллективной памяти; политическое использование прошлого; политика памяти; символическая политика; исторический нарратив.

Столетний юбилей делает события 1917 г. предметом активного внимания историков, политиков и широкой общественности. Споры о Русской Революции не прекращаются со времен перестройки [см. напр. Smith 2002; Sherlock 2007; Шерлок 2014; Копосов 2011], и в них нередко, особенно в канун “круглых дат”, включаются политики [см. Малинова 2015: гл. 2]. Но после отмены праздника 7 ноября (в декабре 2004 г.) эта тема отодвинулась на периферию. В 2000-х годах приоритетом государственной политики памяти стала Великая Отечественная война, и фокус общественных дискуссий об историческом прошлом сместился на середину XX в. Тем не менее столетие события, некогда служившего “мифом основания”¹ Советской России и оказавшего бесспорное влияние на ход мировой истории, побуждает к коллективному “вспоминанию” и (пере)осмыслению.

Следует заметить, что для властвующей элиты это “неудобный” юбилей. В логике современного официального исторического нарратива, опирающегося на принцип преемственности “тысячелетнего” великого Российского государства [подробнее Малинова 2016], революция(и) 1917 г. – скорее досадный срыв, нежели повод для национальной гордости. Для политического режима, который главным своим достижением считает “стабильность”, память о революции – символический ресурс, который можно использовать разве что по контрасту. Однако критика едва ли может быть основной идеей юбилейной коммеморации – не только потому, что это противоречит жанру, но и поскольку миф об Октябрьской революции, будучи одной из главных опор советской идентичности, остается значимым для немалой части граждан². Тем не менее столетие Февральской и Октябрьской революций – это даты, которые “имеют большое общенациональное значение... какие бы оценки мы им ни давали”, и потому требуют каких-то мероприятий “на общегосударственном уровне”³. В. Путин заговорил об этом еще в 2014 г., в контексте обсуждения столетия начала Первой мировой войны.

Решения на этот счет принимались долго. Распоряжение о подготовке и проведении мероприятий, посвященных столетию революции 1917 г. в России, было подписано президентом лишь в декабре 2016 г., менее чем за два месяца до юбилея Февраля и примерно за 11 месяцев до юбилея Октября. Несмотря на краткость оно отражало важные символические решения. Во-первых, подлежащее коммеморации событие было названо “революцией

¹ *Миф основания (foundation myth)* – это история о моменте “начала” группы, политической системы или какой-то области деятельности, которая открывает перспективу определенного будущего [Schörpfliin 1997: 33]. “Великая Октябрьская социалистическая революция” выполняла функцию такого мифа для Советской России. Существует значительная литература о том, как формировался данный миф [Heer 1971; Corney 1998; Petrone 2000; Рольф 2009; Копосов 2011; Тихонов 2017 и др.].

² По данным опроса, проведенного Левада-Центром 2-6 марта 2017 г., 10% респондентов считают, что Октябрьская революция сыграла очень положительную роль в российской истории, 38% – скорее положительную, 25% – скорее отрицательную, 6% – крайне отрицательную, 21% затруднились ответить. При этом 25% опрошенных полагают, что революция открыла новую эру в истории народов России, 36% – что она дала толчок их социальному и экономическому развитию, и лишь 6% считают ее катастрофой. См. Октябрьская революция. 2017. – *Левада-Центр*. Пресс-выпуск 05.04. Доступ: <https://www.levada.ru/2017/04/05/oktyabrskaya-revoljutsiya-2/> (проверено 16.11.2017). Таким образом, для примерно половины россиян революция остается “великим” событием отечественной истории.

³ Путин В.В. 2014. Выступление на встрече с разработчиками концепции нового учебно-методического комплекса по отечественной истории. – *Президент России. Официальный сайт*. 16.01. Доступ: <http://www.kremlin.ru/news/20071> (проверено 16.11.2017).

1917 года в России”. На фоне других вариантов – “великая”, “русская”, “российская”, “социалистическая” и др. – этот выбор кажется нарочито нейтральным, однако он недвусмысленно отказывает революции в “величии”. Во-вторых, хронологические рамки планируемой коммеморации ограничены событиями 1917 г.; это означает, что Администрация президента РФ отказалась от их интерпретации в качестве “Великой российской революции”, как это было предложено авторами Концепции нового учебно-методического комплекса по отечественной истории⁴, разработанной по инициативе В.В. Путина – это предполагало бы почти четырехлетнюю программу коммеморации. Вместе с тем Февральская и Октябрьская революции объединены в “одно” событие. В-третьих, участие государства сведено к выделению ресурсов. Все полномочия по подготовке и проведению юбилейных мероприятий были поручены организационному комитету, который “рекомендовалось организовать” Российскому историческому обществу (РИО)⁵. Упор предлагается сделать на общественно-научные, а не политические мероприятия.

Смысл предстоящего юбилея виделся в “примирении и согласии” потомков красных и белых. Именно так его определил президент в своем послании Федеральному Собранию. Упомянув о необходимости “еще раз обратиться к причинам и самой природе революций в России”, Путин подчеркнул, что “уроки истории нужны нам прежде всего для примирения, для укрепления общественного, политического, гражданского согласия, которого нам удалось сегодня достичь (курсив мой – О.М.)”⁶. Та же смысловая линия прослеживается и в плане основных мероприятий, подготовленном оргкомитетом, созданным РИО: наряду с выставками, конференциями, круглыми столами, издательскими и образовательными проектами он предусматривает установку памятника Примирения в Крыму, где завершилась Гражданская война. Его открытие, планировавшееся на 4 ноября 2017 г.⁷, по-видимому, предполагалось сделать кульминационным моментом “общегосударственной” программы коммеморации.

По иронии истории, нечто подобное в канун 80-летия революции, в 1996 г., изобрела администрация президента Б.Н. Ельцина, переименовав праздник 7 ноября в День народного единства, согласия и примирения. Формально в 2004 г. был найден более подходящий повод для “народного единства”, и праздник перенесен на 4 ноября. Однако в 1990-х годах “примирение” планировалось на основе “критического” нарратива отечественного прошлого, что теоретически оставляло возможность для “проработки” его негативных и травматических аспектов. Впрочем, эта возможность не была реализована – все ограничилось переименованием праздника. В контексте

⁴ Концепция нового учебно-методического комплекса по отечественной истории. 2013. С. 47. Доступ: <http://www.kommersant.ru/docs/2013/standart.pdf> (проверено 21.11.2017).

⁵ Распоряжение о подготовке и проведении мероприятий, посвященных 100-летию революции 1917 года в России. 2016. – Президент России. Официальный сайт. 19.12. Доступ: <http://kremlin.ru/acts/news/53503> (проверено 22.11.2017).

⁶ Путин В.В. 2016. Послание Президента Федеральному Собранию. – Президент России. Официальный сайт. 1.12. Доступ: <http://kremlin.ru/events/president/transcripts/messages/53379> (проверено 21.11.2017).

⁷ План основных мероприятий, связанных со 100-летием революции 1917 года в России. 2017. – Сайт Российского исторического общества. 23.01. С. 13. Доступ: <http://rushiistory.org/images/documents/plan100letrevolution.pdf> (проверено 22.11.2017).

же “апологетического” подхода, характерного для путинского периода [см. Kalinin 2011; Малинова 2016], “примирение” предполагает не проработку, но забвение “трудного” прошлого. В.В. Путин прямо сказал об этом на Большой пресс-конференции 2016 г.: “...когда мы в следующем году будем отмечать столетие революционных событий, в 2017 году, мы должны вести дело к примирению, к сближению, а не к разрыву, не к нагнетанию страстей”⁸. О том, что разделяет — о травматическом опыте XX в., берущем отсчет от “революции 1917 года”, и его противоположных оценках — предлагается “забыть”, сфокусировавшись на “примирении”.

Были ли основания полагать, что это пожелание осуществится? Каковы шансы на “примирение и согласие” относительно событий столетней давности? Это в значительной мере зависит от позиций других участников коммеморации, от соотношения отстаиваемых ими интерпретаций событий 1917 г., их целей, авторитета и коммуникативных возможностей. В этой статье я попытаюсь проанализировать позиции и стратегии основных политических групп, включившихся в интерпретацию юбилейных событий в 2017 г. Вслед за М. Бернхардом и Я. Кубиком я буду называть их *мнемоническими акторами*, рассматривая в качестве таковых “политические силы, заинтересованные в особом понимании прошлого” [Twenty years... 2014: 4]. Предметом исследования является изучение взаимодействий мнемонических акторов, опосредованных текстами, что предполагает комбинацию анализа дискурсов и социальных практик [ср. Irwin-Zarecka 1994: 14-15]. Источниками для него послужили тексты политиков и публицистов, адресованные широкому читателю, а также информация, размещенная на официальных информационных порталах и опубликованная в СМИ. В настоящей статье на основе материалов, опубликованных на момент проведения исследования (август 2017 г.), я анализирую стратегии ключевых мнемонических акторов. После обсуждения теоретических оснований и методологии данного исследования я перейду к анализу стратегий основных политических акторов, участвующих в коммеморации событий 1917 г. — властвующей элиты, КПРФ и других партий-инкубентов, не представленных в Государственной Думе “консерваторов” и “либералов”, а также Русской православной церкви.

КОММЕМОРАЦИЯ ИСТОРИЧЕСКИХ СОБЫТИЙ КАК ИНСТРУМЕНТ СИМВОЛИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ

Поясняя позицию Администрации Президента на первом заседании РИО по подготовке к столетию революции, глава управления по общественным проектам П. Зенькович заявил, что это событие рассматривается “исключительно как историческая, а не политическая дата”, и его не следует “политизировать”⁹. Однако *коммеморация*, т.е. публичные акты, направленные на “увековечивание”, точнее — актуализацию памяти об исторических событиях и фигурах, — это всегда политический процесс. И дело не только в том, что политики стремятся “использовать” прошлое в собственных целях.

⁸ Путин В.В. 2016. Большая пресс-конференция В. Путина. — *Президент России. Официальный сайт*. 23.12. Доступ: <http://kremlin.ru/events/president/news/53573> (проверено 30.11.2017).

⁹ Цит. по: Рожкова Н. 100-летие Октябрьской революции отметят вне политики. 2016. — *Известия*. 28.12. Доступ: <http://iz.ru/news/654909> (проверено 31.11.2017).

Коммеморация — это процесс отбора того, что надлежит вспоминать, и что — предавать забвению. “Вспоминается” то, что кажется важным с позиций настоящего. “Забывается” то, что представляется “деталью” или “случайностями”. Логика “вспоминания” и “забвения” учитывает не только “правду” исторических фактов, но и связанные с ними эмоции. В зависимости от контекста “вспоминаемое” событие может рассматриваться как повод для торжества и/или коллективной скорби. При этом установки мнемонических акторов на этот счет могут не совпадать.

Поскольку подготовка коммеморации “на общегосударственном уровне” требует увязывания исторического события с идеологическими конструкциями, которые служат для легитимации политического режима и проводимого им курса, она оказывается частью *символической политики, осуществляемой от имени государства (symbolic policy)*. А поскольку в любом современном обществе, обладающем некоторой свободой выражения мнений, есть конкуренция мнемонических акторов, коллективное “вспоминание” и (пере)осмысление исторического события — это всегда проявление *символической политики*, т.е. публичной деятельности, связанной с производством и продвижением конкурирующих способов интерпретации социальной реальности (*symbolic politics*). *Политика памяти (politics of memory или memory politics)* — совокупность действий мнемонических акторов, которые направлены на утверждение тех или иных представлений о коллективном прошлом и формирование поддерживающей их инфраструктуры, — может рассматриваться как одна из форм понимаемой таким образом символической политики. Поскольку, обращаясь к прошлому, политики реализуют цели, не обязательно связанные с собственно политикой памяти — они оправдывают свои решения, борются за голоса избирателей, критикуют оппонентов и т.п., — для описания их действий порой больше подходит понятие *политическое использование прошлого* — оно включает любые практики обращения к прошлому в публично-политическом контексте вне зависимости от того, складываются ли они в последовательную стратегию. Как мы увидим, лишь часть мнемонических акторов, участвующих в коммеморации столетия революции(й) 1917 г., реализуют стратегические цели — для большинства это скорее тактическая возможность.

Полезная типология мнемонических акторов была предложена М. Бернхардом и Я. Кубиком в рамках проекта, посвященного изучению коммемораций двадцатилетия падения коммунистических режимов в Восточной Европе. Основанием для классификации является мнемоническая стратегия, выбирая которую, акторы 1) самоопределяются в качестве “протагонистов дискурса о прошлом, который они конструируют” и 2) позиционируют себя “по отношению к другим типам акторов, предположительно населяющих поле политики памяти” [Twenty Years... 2014: 12]. Бернхард и Кубик выделяют четыре типа мнемонических акторов: 1) *мнемонические борцы (mnemonic warriors)*, которые представляют свое видение прошлого как единственно верное и противопоставляют себя другим акторам, резко проводя границу “свой — чужой”, стремятся делегитимизировать нарративы оппонентов; 2) *мнемонические плюралисты (mnemonic pluralists)*, которые не только принимают как факт наличие иных интерпретаций, но и признают их право на существование; плюралисты готовы вести переговоры с оппонентами, “но в рамках соглашения об основных принципах мнемонической политики”;

3) *мнемонические уклонисты (mnemonic abnegators)*, которые по тем или иным причинам избегают участия в войнах памяти¹⁰; 4) *обращенные в будущее (prospectivists)* – акторы, убежденные в том, что они разгадали загадку истории и обладают ключом к будущему; они столь же агрессивны, как и “борцы”, но в отличие от них действуют на основе убежденности в “истинном” знании не прошлого, а будущего. Ярким воплощением этого типа акторов были большевики. В современной Восточной Европе Бернхард и Кубик не находят ему соответствия [ibid.: 12-15]. Комбинация мнемонических акторов, участвующих в формировании памяти об определенном историческом событии, определяет *режим памяти*, т.е. доминирующий паттерн политики памяти [ibid.: 4].

Свой метод анализа режимов памяти Бернхард и Кубик считают применимым для стран, где есть “минимальный уровень демократии”¹¹ [ibid.: 2]. Мне представляется, что с некоторыми дополнениями он может быть применен и для недемократических режимов, в которых есть идеологический плюрализм – как в российском случае. Очевидно, что в таком контексте при оценке взаимодействий мнемонических акторов необходимо особенно тщательно учитывать их ресурсы, в частности – возможности для распространения предлагаемой ими интерпретации исторического события или организации альтернативных массовых мероприятий. Однако эффективность их усилий в немалой степени определяется качествами предлагаемого “символического продукта” – его семантическим и культурным соответствием представлениям и потребностям адресных групп, его “правдоподобностью” и привлекательностью “художественного исполнения”¹². Поэтому асимметрия ресурсов (которая имеет место и в демократических режимах) сама по себе не гарантирует того, что интерпретация события, продвигаемая властвующей элитой, вызовет социально-культурный резонанс. Разумеется, чтобы конкурировать на “рынке смыслов”, мнемонические акторы должны иметь доступ к каналам публичной коммуникации; однако в эру интернета для этого есть немало возможностей.

Коммеморацию столетия революции(й) 1917 г. следует рассматривать как политический процесс, который может стать (а может и не стать) *событием памяти*, меняющим устоявшиеся мифы¹³. Этот исход определяется взаимодействиями мнемонических акторов, которые 1) преследуют определенные политические цели и так или иначе позиционируют себя относительно других акторов [ср. ibid.: 12]; 2) избирательно используют общий репертуар символических ресурсов, участвуя в его трансформации. Для оценки перспектив “примирения и согласия”

¹⁰ Следует пояснить, что эта типология разработана для анализа режимов памяти, связанных с коммеморацией конкретных событий. Один и тот же актор может быть “уклонистом” в рамках одного режима памяти и одновременно – выбирать более активные роли в рамках других.

¹¹ Россия не попала в число рассматриваемых случаев не только по причине несоответствия этому критерию, но и потому, что по случаю двадцатилетия “августовского путча” 1991 г. не устраивалось никаких официальных мероприятий.

¹² К примерно такому набору можно свести наблюдения исследователей, которые задавались вопросом о факторах, определяющих способность публично артикулируемых идей воздействовать на адресную аудиторию [Topolski 1999: 205-206; Benford, Snow 2000: 619-621; Brysk 1995: 577-578; The Art of Commemoration... 2003: 9-10; Twenty Years... 2014: 11 и др.].

¹³ Термин А. Эткинды. Очевидно, что не всякая юбилейная коммеморация исторического события становится *событием памяти* (т.е. “актом обращения к прошлому, изменяющим... устоявшиеся культурные значения” исторических событий [Эткинды 2016: 228]).

относительно событий столетней давности необходимо 1) проанализировать стратегии основных мнемонических акторов; 2) сравнить развиваемые ими нарративы; 3) оценить перспективы их социально-культурного резонанса с установками социальных групп. В настоящей статье я сосредоточусь на первой из этих задач. Сравнительный анализ исторических нарративов событий 1917 г., соперничающих в российском политическом поле будет представлен в другой статье. Анализ конфигурации установок общественных групп — строго говоря, предмет для самостоятельного социологического исследования. Однако опубликованные данные опросов позволяют сделать некоторые предположения относительно восприятия стратегий мнемонических акторов обществом.

КОММЕМОРАЦИЯ СТОЛЕТИЯ РЕВОЛЮЦИИ(Й) 1917 ГОДА: СТРАТЕГИИ ОСНОВНЫХ МНЕМОНИЧЕСКИХ АКТОРОВ

Ключевым мнемоническим актором в России несомненно является *властвующая элита*, т.е. лица, которые определяют символическую политику, проводимую от имени государства. В их числе — как публичные политики (президент, высшие должностные лица, мнение которых *ex officio* воспринимается как “государственная точка зрения”), так и чиновники, ответственные за подготовку соответствующих решений и текстов. Формирование символической политики — непубличный процесс, о котором наблюдатели могут судить лишь по косвенным признакам. В реализации курса, выбранного элитой, значимая роль принадлежит “экспертам” и публичным интеллектуалам, которые поддерживают “линию Кремля” и активно участвуют в ее артикуляции и интерпретации. Предполагается, что ту же линию развивает “Единая Россия” как “партия власти”. Как мы увидим, эти группы в разной степени заинтересованы в исполнении роли мнемонического актора и не всегда солидарны в своих интерпретациях.

Как уже отмечалось, коммеморация столетия революции(й) 1917 г. воспринималась властвующей элитой как “неудобное” событие, которое нельзя не заметить, но желательно “пережить” с наименьшими издержками. На этапе принятия решений были разные мнения относительно того, как это лучше сделать¹⁴ [см. также Малинова 2017].

Первая точка зрения — именно она в конечном счете реализовалась в программе, подготовленной РИО, — заключалась в том, чтобы отметить столетие революции как *неполитическое и внутривососсийское* событие, сделав упор на идею “примирения и согласия” потомков белых и красных. Такой подход был сформулирован в выступлении министра культуры В. Мединского на специальном круглом столе Российского военно-исторического общества (РВИО) в мае 2015 г. Отталкиваясь от принципа “живой преемственности в развитии страны от Российской империи к Советскому Союзу и далее — Российской Федерации”, Мединский предложил перестать “делить предков на однозначно правых и виноватых”. Платформой для “примирения”, по его мнению, должен служить тот факт, что “и ‘красными’, и ‘белыми’ двигал патриотизм”¹⁵. Эту идею поддержал и председатель РИО С. Нарышкин. По

¹⁴ Гайос Б. 2017. Переосмысляя революцию: столетний юбилей революции 1917 года. — *Intersection*. 9.03. Доступ: <http://intersectionproject.eu/ru/article/politics/pereosmyslyaya-revoluciuyu-stoletniy-yubiley-revoluciuy-1917-goda> (проверено 30.11.2017)

¹⁵ Платформа национального примирения России. *Министр культуры России сформулировал пять тезисов, обеспечивающих преемственность истории страны*. 2015. 20.05. Доступ: <https://lenta.ru/articles/2015/05/20/medinskyvoice/> (проверено 30.08.2017)

его словам, именно сейчас, когда “выросло поколение, которое ни разу не участвовало в праздничных мероприятиях 7 ноября” и споры об истории перестают “разделять и сталкивать наших граждан”, особенно важно поддержать тенденцию на примирение¹⁶.

Вторая точка зрения была выражена в статье министра иностранных дел С. Лаврова, опубликованной в марте 2016 г. Разделяя идею “преемственности”, ее автор делал упор на *международно-политическую* составляющую грядущей коммеморации. Лавров высказывал опасение, что на Западе найдется “немало желающих использовать эту дату для новых информационных атак на Россию”, и доказывал, что революция была не “варварским переворотом”, а органической частью европейской истории — “своего рода экспериментом по реализации на практике социалистических идей, имевших тогда широчайшее распространение в Европе”. Он напоминал о влиянии советских преобразований на формирование социального государства на Западе и подчеркивал, что “трагедиями были и все другие революции”¹⁷. Тема “фальсификации истории” тревожила и организаторов коммеморации по линии РИО¹⁸. Дискуссии о международном значении революции были поручены историкам: в сентябре прошла Генеральная Ассамблея Международного комитета исторических наук в Москве¹⁹. Официальная программа не предполагала политического формата с участием представителей других стран. Таким образом, основной упор был сделан на внутрirosсийских аспектах события и теме “примирения и согласия”.

Следует заметить, что у такого решения были отдельные оппоненты даже в стане лояльных “экспертов”. В январе 2017 г., когда принимались решения о коммеморации, декан Высшей школы телевидения МГУ В. Третьяков опубликовал в своем блоге статью, в которой доказывал, что “постыдно замалчивать историческое событие такого масштаба на его родине и в год его столетнего юбилея”. По его мнению, это “политически контрпродуктивно, ибо все, что не скажем об Октябре 1917 года мы, скажут другие, причем многие сделают белое черным”. Кроме того, “неразумно и несправедливо дать политическим наследникам РСДРП(б)—КПСС, то есть КПРФ — нынешним российским коммунистам, монополизировать этот юбилей”. Впрочем, поскольку лишь КПРФ оказалась готова “праздновать” на должном уровне, Третьяков считал возможным войти в созданный ею Юбилейный комитет²⁰.

¹⁶ Цит. по: Новоселова Е. 2016. Как отмечать 100-летие Октября? — *Российская газета*. 27.12. Столичный выпуск № 7163 (295). Доступ: <https://rg.ru/2016/12/27/rossijskoe-istoricheskoe-obshchestvo-zadalos-voprosom-o-iubilee-revoliucii.html> (проверено 30.11.2017).

¹⁷ Лавров С. 2016. Историческая перспектива внешней политики России.— *Россия в глобальной политике*. Т. 14. № 2. С. 8-20. Доступ: <http://www.globalaffairs.ru/global-processes/Istoricheskaya-perspektiva-vneshnei-politiki-Rossii-18017> (проверено 30.11.2017).

¹⁸ Торкунов А.В. 2017. Народная энергия насилия. Столетие российской революции и историческое сознание. — *Независимая газета*. 10.03. Доступ: http://www.ng.ru/ideas/2017-03-10/5_6945_energy.html (проверено 30.11.2017).

¹⁹ План основных мероприятий, связанных со 100-летием революции 1917 года в России. 2017. — *Сайт Российского исторического общества*. 23.01. С. 9. Доступ: <http://rushistory.org/images/documents/plan100letrevolution.pdf> (проверено 22.11.2017).

²⁰ Третьяков В. 2017. Как нам отмечать 100-летие Октября 1917 года. — *Портал “Свободная пресса”*. 29.01. Доступ: <http://svpressa.ru/politic/article/165229/> (проверено 30.11.2017).

Используя типологию Бернхарда и Кубика, можно сказать, что властвующая элита занимает позицию *мнемонического плюралиста* (см. табл.), демонстрируя терпимость по отношению к другим интерпретациям (“в том, что дискуссия разворачивается, ничего особенного нет”, заявил Путин²¹), но при этом именно она *устанавливает границы*, в которых вариации допустимы – принцип “примирения и согласия”. Стратегии других мнемонических акторов определяются их готовностью вписываться в рамку, заданную властвующей элитой.

Таблица (Table)

Характеристика основных мнемонических акторов (М-акторов), включившихся в коммеморацию столетия революции(й) 1917 года
Characteristics of the Main Mnemonic Actors (M-actors), Involved in the Commemoration of the 1917 Revolution(s) Centenary

М-актор	М-позиция	М-антагонисты	Цели коммеморативной политики	Место темы в повестке актора
КПРФ	Борец	Правительство, либералы, Запад, ЛДПР	Легитимация политической стратегии, борьба за электорат	Центральное
“Яблоко” / либералы	Борец	Режим Путина	Легитимация политической стратегии, борьба за электорат	Важное, но не главное
“Изборский клуб” / “консерваторы”	Борец	Запад, “космополитическая альтернативная элита”	Влияние на общественное мнение и власть	Важное, но не главное
Властвующая элита	Плюралист, задающий рамки “допустимого”	Мнемонические акторы, “разжигающие страсти”	Не допустить эскалации мнемонического конфликта	Периферийное
РПЦ	Плюралист	Те, кто призывает “считать зло добром”	Влияние на общество; выстраивание отношений с государством	Важное, но не главное
“Справедливая Россия”	Плюралист	“ЕР” и правительство, КПРФ, Запад	Легитимация политической стратегии, борьба за электорат	Важное, но не главное
“Единая Россия”	Уклонист	–	Решение тактических задач	Периферийное
ЛДПР	Уклонист	Коммунисты	Решение тактических задач	Периферийное

Коммунисты выступают в роли главного оппонента власти в вопросе о столетии революции. Это единственная политическая сила, которая не *отмечала*, а *праздновала* эту дату: в ее нарративе Октябрьская революция – это момент национальной славы. Продолжая в основных чертах линию советского исторического нарратива, КПРФ оспаривает его современную официальную версию. Готовность КПРФ выполнять роль *мнемонического борца*, противопоставляющего себя оппонентам, которые не принимают “истинную” интерпретацию прошлого (см. табл.), и стимулируется, и ограничивается задачами электораль-

²¹ Путин В.В. 2016. Большая пресс-конференция В. Путина. – *Президент России. Официальный сайт*. 23.12. Доступ: <http://kremlin.ru/events/president/news/53573> (проверено 30.08.2017).

ной борьбы. С одной стороны, юбилейная коммеморация давала отличный повод привлечь внимание избирателей к осенней серии региональных выборов 2017 г. и предстоящей президентской кампании 2018 г. С другой – чрезмерная нелояльность могла вызвать недовольство Кремля и ухудшить электоральные перспективы. Поэтому, связывая коммеморацию революции с текущими задачами, коммунисты избегали резкой критики политического курса Путина и адресовали свои упреки правительству Д.А. Медведева.

Впрочем, в том, что касается самой коммеморации, коммунисты решительно встали в оппозицию “линии Кремля”. Они не поддержали ни идею “объединения” Февральской и Октябрьской революции (полагая поводом для празднования лишь последнюю), ни предложения о “примирении и согласии”, ни решения отказаться от организации международно-политических форматов. В январе 2017 г. они создали собственный Юбилейный комитет, который готовил альтернативную программу *празднования* столетия Октябрьской революции, включающую большую встречу зарубежных делегаций, представляющих прогрессивные партии и движения, массовое шествие и митинг 7 ноября в Москве, а также серию круглых столов и массовых мероприятий²². Основная идея альтернативной коммеморации была сформулирована лидером партии Г.А. Зюгановым в докладе на мартовском 2017 г. Пленуме ЦК КПРФ – это “борьба с антисоветизмом и русофобией”. Первая часть этого партийного лозунга направлена против критиков советского опыта (коммеморация призвана утверждать его историческое значение), вторая – против “глобального капитализма” как врага России, но также – против широкого спектра “внутренних русофобов”, “идейной obsługi” “олигархического, регрессивного и компрадорского” российского капитала²³.

Другие политические партии также включились в процесс политического использования столетия революции, одни – более, другие – менее целеустремленно (см. табл.). Свои варианты (свернутых) нарративов события предложили “Справедливая Россия” (“СР”) и “Яблоко”. Для претендующей на социал-демократическую нишу “Справедливой России” важно отделить “хорошие” социалистические идеи от их “плохого” воплощения в советских практиках. “Эсеры” пытаются присвоить наследие “Великого Октября”, оппонируя коммунистам. Однако в отличие от последних они заявляют о поддержке идеи “примирения и согласия”²⁴, выбирая роль *мнемонического плюралиста*. Для продвижения своей интерпретации партия использует публикации в СМИ (это отработанная практика – лидер партии С.М. Миронов уже не первый раз обращается к теме революции²⁵) и общественно-научные мероприятия. “Яблоко” также разработало свою программу коммеморации, которая помимо лекций, конференций, выставок и публикационных проектов предусматривает проведение акции памяти убитых юнкеров и офицеров 7 ноября 2017 г., увековечивание памяти убитых членов

²² Зюганов Г.А. 2017. О задачах партии по борьбе с антисоветизмом и русофобией. Доклад на мартовском 2017 года Пленуме ЦК КПРФ. – *Советская Россия*. 28.03. Доступ: <http://www.sovross.ru/articles/1530/31512> (проверено 30.11.2017).

²³ Там же.

²⁴ См. Миронов С.М. 2017. Февраль – предвестник Октября. – *Независимая газета*. 31.01. Доступ: http://www.ng.ru/ideas/2017-01-31/8_6916_february.html (проверено 30.11.2017).

²⁵ См. Миронов С.М. 2007. Октябрь 17-го: уроки без забвения. – *Российская газета* (Федеральный выпуск). № 4506. 31.10. Доступ: <http://www.rg.ru/2007/10/31/oktyabr-mironov.html> (проверено 07.12.2017); Миронов С.М. 2008. Февраль и октябрь 1917-го. Что это было? – *Российская газета* (Федеральный выпуск). № 4593. 20.02. Доступ: <https://rg.ru/2008/02/20/fevral-oktyabr.html> (проверено 07.12.2017).

Учредительного собрания от партии кадетов А.И. Шингарева и Ф.Ф. Кокошкина (установка памятных табличек) и др. Развиваемый “Яблоком” нарратив революции сфокусирован на теме демократической передачи власти и уделяет особое внимание Учредительному собранию. Поэтому главные коммеморативные мероприятия партии запланированы на январь 2018 г., когда будет отмечаться столетие его созыва. “Яблоко” выбирает роль *мнемонического борца* — его концепция коммеморации столетия революции отличается от подходов других акторов и не вписывается в принцип “примирения и согласия”. Однако у партии мало ресурсов для продвижения собственной интерпретации.

“Единая Россия” (“ЕР”) и ЛДПР предпочли роль *мнемонических уклонистов*, по-видимому, не рассматривая столетие революции как удачный идеологический повод (см. табл.). “ЕР” вяло поддержала официальную линию на “недопущение раскола” общества. Программную статью на эту тему опубликовал заместитель руководителя ее фракции в Государственной Думе А.К. Исаев²⁶. Позиция ЛДПР выражена в высказываниях ее лидера; в частности, по словам В.В. Жириновского, “годовщина разгрома государства не может быть праздником, а должна быть панихидой”²⁷.

Круг мнемонических акторов, включившихся в коммеморацию столетия революции, не исчерпывается политическими партиями. В этом процессе участвует немало групп, которые не борются за голоса избирателей, но видят в коммеморируемом событии возможность для продвижения собственных интерпретаций социальной реальности и влияния на общественное мнение. Одни из них представлены общественно-политическими, экспертными и религиозными организациями [см. Миллер 2013; 2014], другие опираются преимущественно на личные ресурсы. Не ставя задачу охватить пестрый круг акторов, связанных слабыми институциональными узами, я, тем не менее, считаю необходимым учесть позицию одной из таких неформальных групп — “консерваторов”, или “патриотов” (как они себя называют), объединившихся в 2012 г. вокруг “Изборского клуба”. Хотя идеи, выражаемые этой группой, не представлены систематически в партийном спектре, они являются существенным компонентом российского идеологического поля. Рассматривая себя в качестве “чего-то вроде штаба патриотических сил”, “консерваторы” видят одну из своих целей в преодолении “холодной гражданской войны” между красными и белыми “патриотами-государственниками”, которую они рассматривают как побочный продукт “борьбы цивилизаций”, т.е. противостояния России и Запада²⁸. Исторический нарратив, развиваемый идеологами “Изборского клуба”, представляет интерес еще и потому, что в нем есть любопытные пересечения одновременно и с официальной интерпретацией, и с версией главного мнемонического борца — КПРФ. “Консерваторы” также занимают позицию *мнемонических борцов*, рассматривая в качестве антагонистов “разрушителей и противников нашего государства” в лице Запада и “космополитической альтер-элиты”.

²⁶ Исаев А. 2017. Уроки революции. — *Российская газета*. Федеральный выпуск № 7169 (3). 10.01. Доступ: <https://rg.ru/2017/01/10/isaev-velikaia-russkaia-revoliuciia-odno-iz-velichajshih-sobytij-xx-veka.html> (проверено 30.11.2017).

²⁷ Жириновский В.В. 2017. Любая революция — это мошенничество. — *Сайт ЛДПР*. 26.10. Доступ: https://ldpr.ru/events/Vladimir_Zhirinovsky_Any_revolution_is_fraud/ (проверено 30.11.2017).

²⁸ По ту сторону “красных” и “белых”. 2013. Доклад Изборскому клубу. — *Сайт “Изборский клуб”*. 15.04. Доступ: <http://www.izborsk-club.ru/content/articles/1164/> (проверено 30.11.2017).

Наконец, важным мнемоническим актором и незаменимым партнером властвующей элиты в коммеморации столетия революции выступает *Русская православная церковь (РПЦ)*. Для нее Февраль и Октябрь 1917 г. — это начало “национальной трагедии”, в которой соединились бедствия народа, распад государства и гонения на саму церковь. С одной стороны, РПЦ бескомпромиссно оценивает нравственную сторону исторических событий — призывает не называть зло добром (например, выступает за переименование улиц, названных именами злодеев) и чтит память о жертвах политических репрессий (правда, делая упор на тех, кто пострадал за веру). С другой стороны, она “руководствуется пастырским подходом”, который, по словам главы синодального отдела по взаимоотношениям Церкви с обществом и СМИ В.Р. Легойды, “устремлен к максимальному сохранению мира — душевного, общественного, социального”²⁹ и потому не требует немедленных изменений сложившейся инфраструктуры памяти. Руководство РПЦ в полной мере поддерживает курс на “примирение и согласие”, принимая роль *мнемонического плюралиста*.

Позиция РПЦ как мнемонического актора отнюдь не монолитна; исследователи говорят о наличии внутри церкви нескольких субкультур, различающихся своим пониманием истории XX в. И. Папкова выделяет православных “консерваторов”, “фундаменталистов” и “либералов” [Papkova 2011: 19]; И. Торбаков — “советофилов”, “фундаменталистов” и “отрицателей советского” [Torbakov 2014]. По наблюдениям Н. Митрохина, постсоветская смена поколений прихожан привела в лоно РПЦ значительную группу верующих, прошедших социализацию в СССР и испытывающих “большую симпатию или даже ностальгию по советскому периоду” [Mitrokhin, Nuritova, Kishkovsky 2009: 299]. Вместе с тем Русская православная церковь за рубежом (РПЦЗ), которая десять лет назад воссоединилась с РПЦ, обретя статус подчиняющейся Московскому патриархату самоуправляемой Церкви, занимает более жесткую позицию: в специальном послании Архиерейского Синода РПЦЗ особо подчеркивается, что “нам ни в коем случае нельзя оправдывать виновников губительной революции”. В качестве “символа примирения русского народа с Господом” Синод РПЦЗ предлагает “освободить Красную площадь от останков главного гонителя и мучителя XX века” и переименовать города, области и улицы, которые по сей день носят имена революционеров³⁰. Однако официальную позицию РПЦ определяет Московская Патриархия, которая поддерживает взятый администрацией Путина курс на “примирение и согласие”. По словам Патриарха Кирилла, “по милости Божией мы можем в год 100-летия смуты искренне, без каких-либо политических комментариев, перелистнуть эту страницу отечественной истории”³¹.

²⁹ Цит. по: Яковлева Е. 2017. Прощай, Матильда! Здравствуй, честь. Владимир Легойда об уроках революции, искусстве спора и просто искусстве для всех вер и возрастов. — *Российская газета*. Федеральный выпуск № 7246 (80). 13.04. Доступ: <https://rg.ru/2017/04/13/legojda-v-razgovore-o-revoljucii-vazhno-sohraniat-nravstvennye-orientiry.html> (проверено 30.11.2017).

³⁰ Послание Архиерейского Синода Русской Зарубежной Церкви по случаю 100-летней годовщины трагических событий, связанных с революцией в России и началом эпохи безбожных гонений. 2017. — Сайт “Русская Православная Церковь Заграницей”. 10.03. — Доступ: http://www.synod.com/synod/2017/20170310_epistle100yrsperssecitions.html (проверено 30.11.2017).

³¹ Патриарх Кирилл. 2017. Слово Святейшего Патриарха Кирилла после Литургии в день 100-летия обретения Державной иконы Божией Матери в храме Казанской иконы Божией Матери в Коломенском. — Сайт Патриарха Московского и всея Руси. 15.03. Доступ: <http://www.patriarchia.ru/db/text/4834806.html> (проверено 30.11.2017).

В 2017 г. РПЦ осуществила большую программу юбилейных мероприятий, которая включала и “незамеченное” на государственно-политическом уровне столетие Февральской революции³², и столетие Поместного собора 1917-1918 гг., и восстановление патриаршества, и 80-летие Большого террора. Позиция патриарха Кирилла, который предлагает “перелистнуть” эти страницы отечественной истории, “вспоминая мучеников, исповедников, невинно убиенных, но также героев труда и воинской славы”³³, делает РПЦ достаточно удобным партнером властвующей элиты в области политики. Неслучайно В. Путин неоднократно принимал участие в коммеморативных мероприятиях РПЦ, в том числе — связанных с неудобной темой политических репрессий [см. Малинова 2015: 172-173]. 25 мая 2017 г. он присутствовал на церемонии освящения нового храма Воскресения Христова и Новомучеников и Исповедников Церкви Русской в Сретенском монастыре. В своем кратком выступлении он подчеркнул, что открытие храма важно не только как память о тех, “кто пострадал за веру в период богоборчества, кто погиб в ходе репрессий”, но и как олицетворение “примирения”³⁴.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ: КАКОВЫ ШАНСЫ НА “ПРИМИРЕНИЕ И СОГЛАСИЕ”?

Анализ стратегий ключевых политических акторов, свидетельствует об отсутствии какого-либо “согласия” в отношении революции(й) 1917 г. Дело не только в кардинальном несоответствии интерпретаций событий столетней давности, но и в том, что по крайней мере три мнемонических актора — коммунисты, “консерваторы” и либералы-“яблочники” — пытаются использовать символический потенциал революции для продвижения собственных политических повесток. Они выбирают воинствующую стратегию, не допускающую компромиссов с интерпретациями оппонентов. Как следует из приведенных выше данных Левада-Центра, такое же расхождение оценок наблюдается и в общественном мнении. Согласно теории Бернхарда и Кубика, в условиях демократии такая конфигурация мнемонических акторов означает наличие *фрагментированного, конфликтного режима памяти* [Twenty years... 2014: 17] о событиях столетней давности.

Однако, как отмечалось выше, в условиях частичного контроля над публичной коммуникацией имеют значение не только стратегии ключевых мнемонических акторов, но и их коммуникативные возможности, а также разделяющие их идеологические дистанции. С этой точки зрения нетрудно заметить частичные пересечения позиций властвующей элиты, с одной стороны, и двух мнемонических борцов — КПРФ и “консерваторов” — с другой. И коммунисты, и “консерваторы” рассматривают в качестве мнемонических антагонистов не “власть”, а “либералов” и Запад. Поскольку они не выходят за рамки доминирующего “патриотического” дискурса, у власти нет основания видеть в них “разжигателей страстей”. Единственный мнемонический борец, радикально оппонирующий властному дискурсу — призывающее к созыву но-

³² 15 февраля 2017 г. Патриарх Кирилл провел литургию в день 100-летия обретения Державной иконы в храме Казанской иконы Божьей Матери в Коломенском, случившегося в день отречения от престола императора Николая II. 18 февраля по благословению Патриарха Кирилла в Зале Церковных Соборов Храма Христа Спасителя прошел день “Памяти погибших. Февраль. Трагедия. 1917 год”. Его организаторами выступили Императорское Православное Палестинское Общество и Фонд Л. Нобеля.

³³ Патриарх Кирилл 2017. Там же.

³⁴ Посещение Сретенского монастыря. 2017. — *Президент России. Официальный сайт*. 25.05. Доступ: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/54573> (проверено 30.11.2017).

вого Учредительного собрания “Яблоко”. Однако следует признать, что у этого мнемонического борца слабые коммуникативные возможности: “яблочные” идеи артикулируются на внутрипартийных площадках или в дружественных независимых изданиях и вряд ли будут иметь широкую аудиторию. Несмотря на активный интерес политиков к теме революции, она не занимает центрального места в их повестках (исключение составляют коммунисты). Поэтому теоретически даже в условиях фрагментированного и конфликтного режима памяти властвующая элита могла бы реализовать сценарий “примирения и согласия”, по крайней мере, в рамках коммеморативного спектакля – при условии, что она способна удержать своих оппонентов от резкого выражения несогласия и/или контролировать распространение их дискурсов.

На практике это оказывается не так просто, примером чему может служить история с установкой памятника Примирения в Крыму. Его идея была предложена Международным советом российских соотечественников (МСРС) в лице Почетного Председателя МСРС графа П.П. Шереметьева и Первого заместителя Председателя МСРС князя Н.Д. Лобанова-Ростовского и горячо поддержана Российским военно-историческим обществом под руководством В.Р. Мединского. Изначально памятник планировали поставить в Керчи, однако поскольку в предполагаемом месте его установки ведутся работы по строительству моста через Керченский пролив, это решение изменили в пользу Севастополя³⁵. Но в Севастополе, где достаточно сильны просоветские настроения, инициатива РВИО встретила оппозицию со стороны местного отделения движения “Суть времени”, протестовавшего против “примирения” с “белыми”³⁶. И хотя после общественных слушаний вопрос был решен в пользу установки памятника в назначенном месте, на улице Катерная³⁷, оппозиционные настроения части местной общественности вряд ли окажутся благоприятным фоном для проведения главного мероприятия официальной программы столетия революции и возможного старта президентской кампании В. Путина. В условиях фрагментированного и конфликтного режима памяти оппозиционные официальному курсу мнемонические акторы могут воспрепятствовать публичной демонстрации “примирения и согласия”, даже если они не располагают большими ресурсами.³⁸

Копосов Н.Е. 2011. *Память строгого режима. История и политика в России*. М.: Новое литературное обозрение. 320 с.

Малинова О.Ю. 2015. *Актуальное прошлое: Символическая политика властвующей элиты и дилеммы российской идентичности*. М.: Политическая энциклопедия. 207 с.

³⁵ В Севастополе в ноябре установят памятник примирения в Гражданской войне. 2017. – ТАСС. Информационное агентство России. 19.05. Доступ: <http://tass.ru/obschestvo/4266833> (проверено 01.12.2017).

³⁶ В Севастополе прошли пикеты против “Памятника примирения”, посвященного гражданской войне. 2017. – Информационное агентство Росбалт. 19.06. Доступ: <http://www.rosbalt.ru/russia/2017/06/19/1624140.html> (проверено 01.12.2017).

³⁷ В Севастополе “общественные слушания” по памятнику прошли без общества. 2017. – REGNUM. 11.07. Доступ: <https://regnum.ru/news/2299697.html> (проверено 01.12.2017).

³⁸ Анализ коммемораций, состоявшихся осенью 2017 г., и сравнительное исследование конкурирующих исторических нарративов (смысловых схем повествований о революции(ях) 1917 г.) будут развиты в следующей статье автора, которая готовится к публикации.

Малинова О.Ю. 2016. Официальный исторический нарратив как элемент политики идентичности в России: от 1990-х к 2010-м годам. — *Полис. Политические исследования*. № 6. С. 139-158. <https://doi.org/10.17976/jpps/2016.06.10>

Малинова О.Ю. 2017. Неудобный юбилей: Итоги переосмысления “мифа основания” СССР в официальном историческом нарративе РФ. — *Политическая наука*. № 3. С. 13-40.

Миллер А.И. 2013. Роль экспертных сообществ в политике памяти в России. — *Полития*. № 4 (71). С. 114-126.

Миллер А.И. 2014. Политика памяти: год разрушенных надежд. — *Полития*. № 4 (75). С. 49-57.

Рольф М. 2009. *Советские массовые праздники*. М.: РОССПЭН. 439 с.

Тихонов В.В. 2017. Революция 1917 года в коммунистических практиках и исторической политике советской эпохи. — *Российская история*. № 2. С. 92-112.

Шерлок Т. 2014. *Исторические нарративы и политика в Советском Союзе и пост-советской России*. М.: РОССПЭН. 325 с.

Эткинд А. 2016. *Кривое горе: Память о непогребенных*. М.: Новое литературное обозрение. 328 с.

Benford R.D., Snow D.A. 2000. Framing Process and Social Movements: An Overview and Assessment. — *Annual Review of Sociology*. Vol. 26. P. 611-639. <https://doi.org/10.1146/annurev.soc.26.1.611>

Brysk A. 1995. “Hearts and Minds”: Bringing Symbolic Politics Back In. — *Polity*. Vol. 27. No. 4. P. 559-585. <https://doi.org/10.2307/3234960>

Corney F.C. 1998. Rethinking a Great Event: The October Revolution as Memory Project. — *Social Science History*. Vol. 22. No 4. P. 389-414. <https://doi.org/10.1017/S0145553200017892>

Heer N.W. 1971. *Politics and History in the Soviet Union*. Cambridge, Mass.; London: The MIT Press. 319 p.

Irwin-Zarecka I. 1994. *Frames of Remembrance. The Dynamics of Collective Memory*. New Brunswick (N. J.): Transaction Publishers. 214 p.

Kalinin I. 2011. Nostalgic Modernization: the Soviet Past as ‘Historical Horizon’. — *Slavonica*. Vol. 17. No. 2. P. 156-166. <https://doi.org/10.1179/136174211X13122749974366>

Mitrokhin N., Nuritova A., Kishkovsky S. 2009. The Russian Orthodox Church in Contemporary Russia: Structural Problems and Contradictory Relations. — *Social Research*. Vol. 76. No. 1. P. 289-320.

Papkova I. 2011. *The Orthodox Church and Russian Politics*. New York: Oxford University Press. 265 p.

Petrone K. 2000. *Life Has Become More Joyous, Comrades: Celebrations in the Time of Stalin*. Bloomington: Indiana University Press. 280 p.

Schöpflin G. 1997. The Functions of Myth and a Naxonomy of Myths. — *Myths and Nationhood*. Ed. by G. Hosking, G. Schöpflin. New York: Routledge. P. 19-35.

Sherlock T. 2007. *Historical Narratives in the Soviet Union and Post-Soviet Russia: Destroying the Settled Past, Creating an Uncertain Future*. New York: Palgrave Macmillan. 272 p.

Smith K.E. 2002. *Mythmaking in the New Russia: Politics and Memory in the Yeltsin Era*. Ithaca: Cornell University Press. 256 p.

The Art of Commemoration: Fifty years after the Warsaw Uprising. Ed. by T Ensink, C. Sauer. 2003. Amsterdam: John Benjamins Publishing Company. 245 p. <https://doi.org/10.1075/dapsac.7>

Topolski J. 1999. The Role of Logic and Aesthetic in Constructing Narrative Wholes in Historiography. — *History and Theory*. Vol. 38. No. 2. P. 198-210. URL: <http://www.jstor.org/stable/2505662> (accessed 01/12/0017).

Torbakov I. 2014. The Russian Orthodox Church and Contestations over History in Contemporary Russia. — *Demokratizatsiya*. Vol. 22. No. 1. P. 145-170.

Twenty Years after Communism: The Politics of Memory and Commemoration. Ed. by M. Bernhard, J. Kubik. 2014. Oxford: Oxford University Press. 384 p.

DOI: [10.17976/jpps/2018.01.02](https://doi.org/10.17976/jpps/2018.01.02)

THE COMMEMORATION IN RUSSIA OF THE CENTENARY OF THE 1917 REVOLUTION(S): ANALYSIS OF STRATEGIES OF THE KEY MNEMONIC ACTORS

O.Yu. Malinova^{1, 2}

¹National Research University Higher School of Economics. Moscow, Russia

²Institute of Scientific Information for Social Sciences, Russian Academy of Sciences. Moscow, Russia

MALINOVA Olga Yur'evna, Dr. Sci. (Philos.), Professor, National Research University Higher School of Economics; Principal Researcher, Department of Political Science, Institute of Scientific Information for Social Sciences, RAS. Email: omalinova@gmail.com

Malinova O.Yu. The Commemoration in Russia of the Centenary of the 1917 Revolution(s): Analysis of Strategies of the Key Mnemonic Actors. — *Polis. Political Studies*. 2018. No. 1. P. 9-25. (In Russ.) <https://doi.org/10.17976/jpps/2018.01.02>

Acknowledgments. The study was supported by the Academic Fund Program at the National Research University Higher School of Economics (HSE) in 2017-2018 under grant No. 17-01-0034 and by the Russian Academic Excellence Project “5-100”

Abstract. The article analyzes practices of public commemoration of the centenary of the February and October revolutions in Russia. It reconstructs the symbolic strategies and historical narratives of the key mnemonic actors – the ruling elite, the Communists, the Russian Orthodox Church, the “Conservatives”, the “Liberals” etc. The analysis is based on the recent texts of politicians and public intellectuals from these groups. The research combines an analysis of discourses and commemorative practices. A commemoration of a historical event is considered as the political process, the outcome of which depends on interaction of mnemonic actors who 1) have certain political aims and take particular position against the other actors, 2) selectively use the common repertoire of symbolic resources and take part in its transformation. By the results of analysis, the commemoration of the centenary of the revolution(s) takes part in the context of a fragmented memory regime. This conclusion is based not only on significant discrepancy between the competing narratives, but also on the presence of several mnemonic warriors who use this symbolic chance for promotion of their own political agenda and seek to delegitimize their opponents. According to surveys, the same discrepancy about the revolution is revealed in the public opinion. However, the official project to celebrate “conciliation and concord” of the Reds and the Whites is facilitated by the fact that almost all major mnemonic actors (with exception of the Yabloko Party) share the “patriotic” and anti-Western discourse of the incumbent elite. Besides, the authority has as an influential ally: the Russian Orthodox Church. Nevertheless, in the context of the fragmented memory regime oppositional actors can impede a public demonstration of “conciliation and concord” even without large resources. This suggestion is well supported by the case of local opposition to a construction of the memorial to Conciliation in Crimea, which was designed as a central event of the official commemoration.

Keywords: centenary of the 1917 Revolution in Russia; commemoration; the infrastructure of collective memory; mnemonic actors; political use of the past; memory politics; politics of memory; symbolic politics; historical narrative.

References

Benford R.D., Snow D.A. Framing Process and Social Movements: An Overview and Assessment. — *Annual Review of Sociology*. 2000. Vol. 26. P. 611-639. <https://doi.org/10.1146/annurev.soc.26.1.611>

Brysk A. "Hearts and Minds": Bringing Symbolic Politics Back In. — *Polity*. 1995. Vol. 27. No. 4. P. 559-585. <https://doi.org/10.2307/3234960>

Corney F.C. Rethinking a Great Event: The October Revolution as Memory Project. — *Social Science History*. 1998. Vol. 22. No 4. P. 389-414. <https://doi.org/10.1017/S0145553200017892>

Etkind A. *Krivoe gore: Pamyat' o nepogrebennykh* [Crooked Grief: The Memory of the Unburied]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie. 2016. 328 p. (In Russ.)

Heer N.W. *Politics and History in the Soviet Union*. Cambridge, Mass.; London: The MIT Press. 1971. 319 p.

Irwin-Zarecka I. *Frames of Remembrance. The Dynamics of Collective Memory*. New Brunswick, N.J.: Transaction Publishers. 1994. 214 p.

Kalinin I. Nostalgic Modernization: the Soviet Past as 'Historical Horizon'. — *Slavonica*. 2011. Vol. 17. No. 2. P. 156-166. <https://doi.org/10.1179/136174211X13122749974366>

Koposov N.E. *Pamyat' strogogo rezhima. Istoriya i politika v Rossii* [The High Security Memory. History and Politics in Russia]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie. 2011. 320 p. (In Russ.)

Malinova O.Yu. *Aktual'noe proshloe: Simvolicheskaya politika vlastvuyushchei elity i dilemmy rossiiskoi identichnosti* [The Usable Past: The Symbolic Policy of the Ruling Elite and Dilemmas of the Russian Identity]. Moscow: Politicheskaya entsiklopediya. 2015. 207 p. (In Russ.)

Malinova O.Yu. The Official Historical Narrative as a Part of Identity Policy of the Russian State: From the 1990s to the 2000s. — *Polis. Political Studies*. 2016. No. 6. P. 139-158 (In Russ.) <https://doi.org/10.17976/jpps/2016.06.10>

Malinova O.Yu. The uncomfortable centenary. The Results of Reconsideration of the "Founding Myth" of the USSR in the Official Historical Narrative of Russian Federation. — *Political Science (RU)*. 2017. No. 3. P. 13-39.

Miller A.I. The Role of Expert Communities in the Russian Memory Politics. — *Politeia*. 2013. No. 4 (71). 2013. P. 114-126. (In Russ.)

Miller A.I. The Memory Politics: The Year of Destroyed Hopes. — *Politeia*. 2014. No. 4 (75). 2014. P. 49-57. (In Russ.)

Mitrokhin N., Nuritova A., Kishkovsky S. The Russian Orthodox Church in Contemporary Russia: Structural Problems and Contradictory Relations. — *Social Research*. 2009. Vol. 76. No. 1. P. 289-320.

Papkova I. *The Orthodox Church and Russian Politics*. New York: Oxford University Press. 2011. 265 p.

Petrone K. *Life Has Become More Joyous, Comrades: Celebrations in the Time of Stalin*. Bloomington: Indiana University Press. 2000. 280 p.

Rolf M. *Soviet Mass Festivals, 1917-1991*. (Russ. ed.: Rolf M. *Sovetskie massovyie prazdniki*. Moscow: ROSSPEN. 2009. 439 p.).

Schöpflin G. The Functions of Myth and a Naxonomy of Myths. — *Myths and Nationhood*. Ed. by G. Hosking, G. Schöpflin. New York: Routledge. 1997. P. 19-35.

Sherlock Th. *Historical Narratives in the Soviet Union and Post-Soviet Russia: Destroying the Settled Past, Creating an Uncertain Future*. New York: Palgrave Macmillan. 2007. 272 p.

Sherlock Th. *Historical Narratives in the Soviet Union and Post-Soviet Russia: Destroying the Settled Past, Creating an Uncertain Future*. (Russ. ed.: Sherlock T. *Istoricheskie narrativy i politika v Sovetskom Soyuze i postsovetskoi Rossii*. Moscow: ROSSPEN. 2014. 325 p.)

Smith K.E. *Mythmaking in the New Russia: Politics and Memory in the Yeltsin Era*. Ithaca: Cornell University Press. 2002. 256 p.

The Art of Commemoration: Fifty years after the Warsaw Uprising. Ed. by T Ensink, C. Sauer. Amsterdam: John Benjamins Publishing Company. 2003. 245 p. <https://doi.org/10.1075/dapsac.7>

Tikhonov V.V. The Revolution of 1917 in Communist Practices and Historical Politics of the Soviet Era. — *Rossiiskaya istoriya*. 2017. No. 2. P. 92-112. (In Russ.)

Topolski J. The Role of Logic and Aesthetic in Constructing Narrative Wholes in Historiography. — *History and Theory*. 1999. Vol. 38. No. 2. P. 198-210. URL: <http://www.jstor.org/stable/2505662> (accessed 01/12/2017).

Torbakov I. The Russian Orthodox Church and Contestations over History in Contemporary Russia. — *Demokratizatsiya*. 2014. Vol. 22. No. 1. P. 145-170.

Twenty Years after Communism: The Politics of Memory and Commemoration. Ed. by M. Bernhard, J. Kubik. Oxford: Oxford University Press. 2014. 384 p.